

Суслов Андрей Владимирович

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ВАЛААМСКОГО ИГУМЕНА ДАМАСКИНА

В статье описываются сложные внутримонастырские отношения на Валааме в середине XIX века, рассматривается конфликтная ситуация, сложившаяся в связи со следствием, возбужденным против игумена Дамаскина по доносам некоторых из подначальных и монастырской братии. По архивным документам прослеживаются следственный процесс, взаимоотношения настоятеля с ссылочными лицами, с братией, также рассматривается участие благочинного С.-Петербургской епархии архимандрита Игнатия (Брянчанинова) в разрешении монастырского конфликта и примирении Валаамской братии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 170-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Андреев А. Л. Преемственность развития образования в дореволюционной и советской России // Педагогика. 2008. № 6. С. 77-83.
2. Егорова М. В. Растительная жизнь педагога // Родина. 2008. № 11. С. 102-108.
3. Железнякова Ю. А. Препод 100 лет назад // Родина. 2004. № 6. С. 89-94.
4. Златоустовский архивный отдел (ЗАО). Ф. И 11. Оп. 1.
5. Национальный музей Республики Башкортостан (НМРБ). Документальный фонд НВ 18081/1-10.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И 35. Оп. 1.
7. Отдел народного образования по Златоустовскому уезду. Златоуст: Печатня Блохина Н. К., 1910. 148 с.
8. Отчет о деятельности Лиги образования. СПб.: Типография Котомина Н. Ф., 1910. 86 с.
9. Рябцев Ю. С. История русской культуры XX в. М.: Прогресс, 2004. 260 с.
10. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX-XX вв. // Отечественная история. 1995. № 1. С. 65-72.
11. Фасхутдинова Е. Н. Социокультурные условия существования учительства Казанской губернии (ТАССР) в 1918-1928 гг.: экономический и правовой аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 207-210.
12. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И 113. Оп. 1.
13. ЦГИА РБ. Ф. И 119. Оп. 1.
14. Чернышева Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х гг. – 1914 г.) в Отечественной историографии. Челябинск: Дом Печати, 2010. 354 с.
15. Шахвердов Г. Г. Воспитание народных масс. Краснодар: Типография Волкова Н. Г., 1924. 148 с.

ELEMENTARY SCHOOL TEACHER'S EVERYDAY ROUTINE IN SOUTHERN URAL (1901-1914)

Suvorova Anna Viktorovna
South-Ural State University
Annsu2006@ya.ru

The author reveals the features of the elementary school teacher's everyday routine in Orenburg and Ufa provinces at the beginning of the XXth century, covers the work of I All-Russian Congress of People's Teachers and II All-Russian Congress of Societies Representatives Providing Assistance on Material Support for People's Teachers, and considers the organization of the teacher's leisure, lifestyle and living conditions, his interaction with school administration and public.

Key words and phrases: education; elementary school; financial situation; teacher's lifestyle; everyday routine; Orenburg and Ufa provinces.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье описываются сложные внутримонастырские отношения на Валааме в середине XIX века, рассматривается конфликтная ситуация, сложившаяся в связи со следствием, возбужденным против игумена Дамаскина по доносам некоторых из подначальных и монастырской братии. По архивным документам прослеживаются следственный процесс, взаимоотношения настоятеля с ссыльными лицами, с братией, также рассматривается участие благочинного С.-Петербургской епархии архимандрита Игнатия (Брянчанинова) в разрешении монастырского конфликта и примирении Валаамской братии.

Ключевые слова и фразы: Валаамский монастырь; игумен Дамаскин; дисциплинарные проблемы в монастыре; подначальные; следствие против игумена; расследование конфликтов.

Суслов Андрей Владимирович (иеромонах Агафонгел)
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Agafangel01@ya.ru

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ВАЛААМСКОГО ИГУМЕНА ДАМАСКИНА[©]

В истории Валаамского монастыря – русского Северного Афона особенно заметно и ярко в XIX веке выделяется период правления игумена Дамаскина (Кононова), который духовно родился и вырос на Валааме, был пострижен и рукоположен для служения в священном сане этой обители [14, с. 1-8]. Имя этого настоятеля, молитвенника и аскета упоминается во многих изданиях, посвященных Валааму: «Аpostольский колокол» Н. Коняева [15, с. 59-105], «Причал молитв уединенных» О. Маханова [16, с. 159-205], «Валаамский монастырь и его подвижники», составитель А. Берташ [13, с. 76-85] и др. В последние годы вышла

монография, посвященная игумену Дамаскину, – «Валаамский избранник» (2007). Тем не менее есть события в его жизни, особенно в период настоятельства (1839–1881) [Там же, с. 76–84], которые, как правило, историками не затрагиваются из-за их скандальности, неординарности для смиренной монастырской жизни. Речь идет о следственном деле, возбужденном в Духовной консистории против игумена Дамаскина по доносам некоторых иноков и сосланных на Валаам штрафных лиц [9, д. 56, л. 1–65]. Подобные факты обычно не рассматривались историками императорской России по естественному нежеланию государственной власти обнародовать негативные события из жизни Православной Церкви – взаимные монашеские претензии, церковные судебные тяжбы, происходившие совсем рядом от столицы, если учесть открывшееся пароходное сообщение между Валаамом и Санкт-Петербургом [15, с. 169]. В советский период объективные церковные исследования были вообще невозможны по известным причинам.

Настоящая работа предполагает исследование следующей проблемы: возникновение противостояния между настоятелем и монастырской братией на Валааме, а также связанное с этим духовным конфликтом следственное дело, возбужденное против игумена Дамаскина. В исследовании выявляется глубина внутренних противоречий в Валаамском монастыре в середине XIX века. Обозначается нравственное состояние насельников обители (иногда просто кризисное), а также определяется роль благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Игната (Брянчанинова) в разрешении и умиротворении монашеских возмущений [1, д. 29, л. 1 – 7 об.], его помощь игумену Дамаскину в восстановлении монастырского порядка на Валааме. В настоящее время рассмотрение обозначенных событий имеет не только положительный научно-познавательный аспект (исследование истории Валаамского монастыря и выявление неизвестных фактов), но также практическое применение: возможность использовать опыт архимандрита Игната (Брянчанинова) в разрешении дисциплинарных конфликтов, чтобы избежать повторения ошибок, уже совершившихся ранее.

В качестве предыстории развернувшегося в 1855 году конфликта с братией и последующего следственного дела над настоятелем следует отметить *неблагоприятный отзыв*, сделанный архимандритом Зеленецкого монастыря Иннокентием [11, с. 451], временно исполнявшим обязанности благочинного монастырей С.-Петербургской епархии и совершившим обозрение Валаамского монастыря в 1852 г. [7, д. 54, л. 1–45]. В ходе обозрения и общения с братией обители у исполнявшего обязанности благочинного возникли вопросы, относящиеся к Уставу и богослужебной практике на Валааме, а также к отношениям между братией (дисциплинарные упущения). По докладу архимандрита Иннокентия о состоянии осмотренной обители митрополит Никанор, первенствующий член Синода [19, с. 816], предписывает игумену Дамаскину представить священноначалию *рапорт с объяснениями* по замеченным в его обители недостаткам: *«1. Вы весьма редко отправляете богослужения, уклоняясь от сего под предлогом изнурения и постройкой. 2. удаляетесь от общения с братией, не посещая трапезы их, ни келий. 3. не обращаете должного внимания на уточнение братии удобством помещений, чаем, назначения усердного к делу духовника. 4. больные хотели бы слушать службу в больничном храме, но там бывает служба раз или два в год. 5. при церковном богослужении чтение и пение совершается не внимательно. 6. соборная Успенская Церковь находится в весьма жалком состоянии... стены черны и грязны до такой степени, что трудно встретить подобную нечистоту внутри обыкновенных жилых зданий. По всем вышеуказанным пунктам предписывую вам представить мне объяснительные сведения»* [7, д. 54, л. 36].

Объясняя большую часть возникших претензий существующим уставом Валаамской обители, игумен Дамаскин пишет, что он служит в двунадесятые и великие праздники, а также в высокоторжественные дни, воскресную же литургию на Валааме совершает чередной иеромонах. Сам же Дамаскин, по его словам, иногда служит воскресную литургию, исключая дни болезни и работ, связанных с монастырскими постройками, требующих непременного присутствия настоятеля. Он сообщает, что общение с братией имеет самое близкое: двери игуменской келии открыты для монашествующих, послушников и трудников [Там же, л. 37–39]. Дамаскин признается, что как человек он имеет свои недостатки и может погрешать перед своими подчиненными от неведения и недоумения, но намерение имеет всегда сделать доброе и полезное для обители и братства [Там же, л. 40]. Впоследствии вновь приступивший к исполнению обязанностей благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрит Игнатий (Брянчанинов) в 1853 году составлял Археологическое описание древностей Валаамского монастыря [11, с. 304–328]. Он в своем отчете заверил и подтвердил объяснения, предоставленные митрополиту Никанору игуменом Дамаскиным, чем смог сгладить и нивелировать отрицательное впечатление у священноначалия о Валаамском монастыре, ранее произведенное неблагоприятным докладом архимандрита Иннокентия. В результате заступничества благочинного и успешной экономической деятельности Дамаскина по восстановлению обители настоятелю Валаамского монастыря преподано личное благословение правящего архиерея. Указ священноначалия, опираясь на донесение благочинного архимандрита Игната (Брянчанинова), проверявшего в 1854 году Валаамский и Коневецкий монастыри, сообщает, что «*в сих обителях состав братства и нравственное его направление весьма удовлетворительно, хозяйственная часть в Валаамском монастыре в весьма хорошем состоянии, капиталы, ризница и библиотека в целости, постройки, произведенные игуменом Дамаскиным, отличаются особенною прочностью*» [8, д. 11, л. 1–2].

С полученным от священноначалия поощрением, однако, не исчезли многие дисциплинарные проблемы, беспокоившие Валаамский монастырь уже в течение многих лет, одна из которых связана с присылаемыми на остров епитимийцами, а также с некоторыми иноками, поддерживавшими возмущения ссыльных лиц. Последних (т.е. штрафников) на Валааме за 20 лет, с 1839 по 1859, было порядка 106 человек [10, д. 47, л. 7–25]. Постоянное присутствие в монастыре лиц, склонных к недовольству и возмущению братии против игумена, крайне осложняло духовную обстановку обители. Особую обостренность эта ситуация приобрела в связи с долгосрочным пребыванием на Валааме протоиерея Петра Левашова [5, д. 12, л. 1–79].

Левашов был сослан в монастырь под надзор в 1849 году бессрочно за угрозы в адрес правительства и государя, а также за пророчества и возвращение о грядущих на них карах. Церковное руководство, запретив протоиерея Петра в священном служении, тем не менее предоставило ему самому выбрать монастырь для пребывания там под епитимьей. Левашов, зная Валаам как наиболее духовно-подвижническую иноческую обитель, сам захотел жить здесь [Там же, л. 2-3]. Духовной консисторией игумену Дамаскину предписывалось иметь самый строжайший надзор за этим ссыльным лицом, не допускать до сообщения с паломниками и посетителями, а также рапортовать о его поведении каждую третью год. Изначально тон докладов Валаамского игумена относительно протоиерея Левашова был положителен и доброжелателен, потому спустя некоторое время духовная консистория указом вернула отцу Петру право совершать богослужения. Однако спустя некоторое время тон игуменских донесений меняется и носит встревоженный характер: протоиерей перестает исполнять монастырские послушания и подчиняется настоятелю. Для исправления Левашова сначала отправляют на уединенный скит, но затем, из-за проблем с ним там, снова возвращают на монастырскую усадьбу. Уже здесь, в центральном общежитии на Валааме, обостряются проблемы, связанные с дисциплиной этого лица, которые в итоге привели к открытому возмущению и следственному процессу [Там же, л. 7-13].

Протоиерей Петр, считая себя непонятым, несправедливо наказанным и сосланным, все более ожесточается, он, возмущаясь сам, начинает заражать и окружающую братию духом противоречия и недовольства. Будучи человеком красноречивым, Левашов писал стихи против игумена Дамаскина, распространяя их среди братии:

«Скоро ударит час роковой, // Скоро свершится суд над тобой! //
За слезы собратьев, за скорбь, тесноту // Гнетомых тобою. //
Слезы кровавы током из глаз // Польются твоих! //
Изгнанье изгнанье, позором позор, // Воздастся тебе! Ничто не поможет //
И присны твои, и злато твое // Оставят тебя! //
Скудость, презренье, болезни и скорби // Будут уделом несменным твоим //
Никем не оплакан, сойдешь ты в могилу, // Там где не чаял совсем никогда //
Надолго ты будешь здесь притчею сlyть» [Там же, л. 18].

Левашов, создав себе ореол «мученически пострадавшего», собрал вокруг себя тех, кто был недоволен своим положением в монастыре, кто не принимал строгостей Валаамского устава. В основном это были подначальные: разжалованный в рядовые арестант Николай Веселаго [8, д. 56, л. 1-10], священник Авксентий Стратонович, попавший под надзор за нанесениеувечий [9, д. 52, л. 1-16], иеродиакон Исаия, ставший ссыльным за пьянство и самовольный уход из монастыря [6, д. 8, л. 1-5], иеродиакон Климент, сосланный за пьянство и нерадение к церковной службе [16, с. 178]. Собрав группу единомышленников, Левашов затем повел настоящую войну против игумена Дамаскина. Ссыльный протоиерей, имея благодаря своему сану, образованию и красноречию огромное влияние на братию, передал через них настоятелю совет: «скорее проситься на покой, уверяя, что в противном случае, он непременно сошлет меня (самого игумена Дамаскина – А. С.) под начал (т.е. в место для штрафников – А. С.)...» [5, д. 12, л. 32].

Левашов в 1855 году, сочинив многостраничный донос, направил его Санкт-Петербургскому митрополиту Никанору, потому в ноябре того же года рассматривать ситуацию на Валааме, в связи с полученным сигналом, прибыл игумен Аполлос, который специально для этой цели был назначен помощником благочинному монастырей архимандриту Игнатию [8, д. 35, л. 1-3]. Игумен Аполлос предписанием № 1 от 15 ноября предлагает игумену Дамаскину дать письменный отчет о предъявленных ему злоупотреблениях в монастыре:

«1. иеродиакон Иоасаф объявил, что два года тому назад отец Дамаскин сломал у него замки, вскрыл келию, из которой унесено полфунта чаю. После этого настоятель ничем его не успокоил. 2. и.д. Александр желает переместиться в Коневский монастырь. 3. монах Савелий просит отпустить его в Новгород на богомолье. 4. м. Василиск оскорблена отнятием у него игуменом Дамаскиным 13 ложек и до 10 рублей денег, которые до сих пор настоятель не возвратил. Братия также просит об увеличении келейной порции чаю, другие желают винной порции по праздникам. Постуники просят о пострижении в монашество...» [9, д. 56, л. 2-3].

В ответ игумен в считанные дни фактически удовлетворил все незначительные просьбы немощной братии: отпуск по болезни, паломничество по святым местам, прибавка к порции чая и сахара, разрешение вина при телесном недуге, представление к постригу. Потому братия письменно заверила в удовлетворении всех вышеизложенных просьб, о чем и было доложено следствию. Но через несколько дней, 19 ноября, после очередного допроса и отбрания показаний у монастырской братии и лиц, проживающих в обители, последовали новые обвинения, потому предписанием № 2 помощник благочинного предлагает Дамаскину дать письменный отчет еще на **32 обвинительных пункта** [Там же, л. 7-16].

Настоятель Валаамского монастыря обвинялся в разорении монастырской жизни на Валааме через высечение «до сорока насельников с острова при самом вступлении своем в должность игумена» [Там же, л. 8]; «доведением некоторых иноков до отчаяния, побега, безумных поступков и даже самоубийства» [Там же, л. 14]. Дамаскин укорялся за упразднение существовавших на острове отшелвнических пустынь, за запрет братии читать светскую литературу, отобрание у насельников обители и богомольцев чернил, книг, денег и других вещей, за секвестр писем братии. Игумен обвинялся в угнетении сосланных под надзор на Валаам лиц, в чрезмерном наказании братии поклонами и заточением их в «смирительную келию», в редком посещении церкви, в многочисленных постройках, которые отягощали монастырь [Там же, л. 7-16]. Обвинения касались также посещения женщинами настоятельских покоев, и наоборот: запрет некоторым лицам общаться

с женским полом и паломниками. Один из вопросов касался бегства послушников из монастыря *даже в армию* [Там же, л. 16]. Очевидно, что через подобные обвинения насельники обители, недовольные прежним, строгим игуменом, хотели добиться смещения Дамаскина и избрания нового настоятеля, который бы во всем потакал и дал полную свободу епитимийцам и недовольным на Валааме братиям.

В ответ на эти обвинения игумен Дамаскин рапортом за № 326 от 19 ноября 1855 года помощнику благочинного дал объяснения по каждому пункту. Он сообщил, что выселение сорока монахов с Валаама произошло по решению высшего священноначалия с предложения архимандрита Игнатия (Брянчанинова) [11, с. 404, 410] еще при игумене Вениамине [18, д. 192, л. 1-3] в 1838 году, до избрания и поставления Дамаскина настоятелем. Все подобные перемещения иноков в другие монастыри утверждались особыми распоряжениями Духовной консистории [2, д. 23, л. 1-11]. В отношении лиц, сосланных на Валаам и совершивших неадекватные поступки, Дамаскин написал, что качества ссыльных: иеромонаха Мефодия [4, д. 41, л. 1-30], лейтенанта Киреева [3, д. 44, л. 1-31] и иеродиакона Исаии [6, д. 8, л. 1-5], неоднократно отбывавших монастырские заключения, хорошо известны священноначалию. Дела всех этих ссыльных давно находятся у церковного руководства, которое не обвинило настоятеля в происшествиях, случившихся с этими лицами. На обвинение о разорении пустынь Дамаскин сообщил, что он сам до настоятельства жил в пустыни и предпочитает этот вид монашеской жизни, потому он пытался сохранить отшельнические келии, из которых были разобраны только одна-две, абсолютно ветхие и развалившиеся. По поводу угнетения подначальных и наказания братии поклонами Дамаскин написал, что содержание епитимийцев на Валааме регламентировано священноначалием. Оно предписало: содержать их под строгим надзором, давая им посильную работу (послушание) [11, с. 375; 20, с. 67-78] к исполнению, и обязало докладывать в консисторию об их поведении в конкретно указываемые сроки [2, д. 19, л. 1-2]. По мнению Дамаскина, содержание братии в «смирильной келье» и наказание их использовались только при крайней необходимости, для сохранения монастырского порядка, а поклоны и подобные меры также применялись для духовного воспитания братии. О запрете монахам читать светскую литературу отец Дамаскин написал, что таковая не всегда полезна даже ученым инокам, а для неученных, каковых на Валааме было тогда большинство [11, с. 402], и вовсе «душевредно», особенно если они не прилежали к чтению аскетической литературы. Частые посещения настоятельских покоев женщинами Дамаскин объяснил желанием богомольцев и паломников получить благословение игумена монастыря, а также искомием ими беседы с ним для своей духовной пользы. Таким образом, на все представленные **32 пункта** обвинения помощника благочинного Валаамским игуменом даны исчерпывающие ответы, в которых последовательно и рассудительно объяснены все поступки настоятеля. При сопоставлении документов следствия явно видно, что перечисленные вопросы игумена Аполлона основаны на обвинениях из доноса протоиерея Петра Левашова, отсюда же заимствован и негативный, язвительный тон вопросных пунктов.

В ходе расследования игумен Дамаскин, несмотря на свои обстоятельные и убедительные ответы, поспешил заручиться поддержкой своего прямого начальника и покровителя – благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Игнатия, который в это время приступил к исполнению своих должностных дел. Дамаскин направил копию вопросных пунктов и своих ответов на них благочинному со своими соображениями относительно хода дела [9, д. 56, л. 18; 12, с. 215-219]. В это время, 9 февраля 1856 года, к архимандриту Игнатию из епархиального управления пришел еще один донос, полученный консисторией от старцев Валаамской обители: иеромонаха Моисея, схиеродиакона Ионы, иеродиакона Иоасафа и монахов Иоilia и Иоакима. Известно, что бумаги дошли до митрополита, *«и бумаги эти гремят громко у всех в ушах, но чем кончится это дело никому не известно...»* [9, д. 56, л. 27]. Дамаскин в одном из писем к архимандриту Игнатию предположил, что все подписи в этом доносе сделаны монахом Иоакимом, потому спросил: *«...не найдете ли Вы Батюшка нужным придумать причину, по которой можно было бы удостовериться в подлинности или подложности этих подписей...»* [Там же, л. 17]. В ответ на это предположение в монастыре приходит распоряжение благочинного монастырей за № 70 от 14 февраля 1856 года о необходимости священноначалию видеть схиеродиакона Иону и монаха Иоilia для личных с благочинным объяснений, потому игумену Валаамского монастыря предписывается немедленно отправить указанных лиц в Санкт-Петербург. Следом за ними к благочинному в Троице-Сергиеву пустынь вызываются также иеромонах Моисей и монах Иоаким для выслушивания их показаний по этому делу [Там же, л. 34]. Посылая указанных иноков в столицу для разбирательства с благочинным, игумен Дамаскин в сопроводительной записке пишет: *«...я никого из подначальных не обиждал, а добрых даже всячески, сколько возможно утешал, всякого увещевал оставить порочную жизнь, за которую они страждут...»* [Там же, л. 37]. Здесь же прилагается письмо священника Ярославского, содержащее положительный отзыв о его пребывании на Валааме под надзором, в котором Дамаскин предстает пастырем мудрым и рассудительным, строгим и заботливым не только для братии, но и для ссыльных лиц [Там же, л. 40].

В начале апреля 1856 года вызванные для расследования дела в Санкт-Петербург иноки – иеромонах Моисей, схиеродиакон Иона, монах Иоиль – были возвращены благочинным на Валаам. В личном письме игумену Дамаскину архимандрит Игнатьев пишет, что означенные иноки оказали значительный успех в примирении своего духа вследствие сделанных им внушений [12, с. 223]. Таким образом, часть братии, склонная к раскаянию, была возвращена в монастырь к своему игумену, а наиболее упорные в сопротивлении (монах Иоаким) были оставлены в Троице-Сергиевой пустыни для дальнейшего определения о них священноначалия [9, д. 56, л. 49].

Завершением следствия, возбужденного по доносу против игумена Дамаскина, можно считать определение правящего архиерея Санкт-Петербургской епархии митрополита Никанора. Архимандрит Игнатьев

в конфиденциальном письме от 26 марта 1856 г. сообщает Валаамскому настоятелю о принятом решении – игумен Дамаскин остается настоятелем своего монастыря, одновременно с этим определением дается несколько строгих предписаний к руководству: «**1. Кроме двунадесятых праздников и высокоторжественных дней, отец Дамаскин должен служить в воскресные и значимые дни. Это необходимо т.к. с открытием пароходства, стеченье публики в Валаамском монастыре очень возросло, и поддержание усердия в братстве к молитве, требует, чтоб настоятель подавал собою пример такого усердия по возможности частым служением.** **2. Чтобы настоятель, по той же причине, часто был и в прочие дни недели на церковной службе, преимущественно же на Божественной литургии.** **3. Чтобы отец Дамаскин ходил в братскую трапезу по крайней мере в праздничные и воскресные дни.** **4. Для должности старцев и духовников настоятель должен избирать монашествующих лиц зрелых лет, а никак не молодых рясофорных послушников.** **5. Чтобы в монастыре не держались олени женского пола и другие похотливые животные, которые этим свойством своим и его последствиями соблазняют братство» [12, с. 224-225]. Приняв указанные предписания митрополита «совершенно как волю Божию», игумен Дамаскин тем не менее просил священноначалие об избавлении Валаамского монастыря от лиц, неспособных, по его мнению, к мирной монашеской жизни на Валааме. Сменивший почившего в 1856 году Никанора митрополит Григорий [19, с. 816] занял положительную позицию в этом вопросе, заданном Валаамским настоятелем. Однако Григорий добавил к вышеуказанным предписаниям митрополита Никанора обязанность игумену Дамаскину руководить братией с любовью, действуя мерами отеческой кротости более, нежели властью [9, д. 56, л. 56]. Поднятый вопрос об епитимийцах и возмутившихся братиях был разрешен положительно для игумена Дамаскина, несомненно, под влиянием известного заступника, «ангела-хранителя» Валаамской обители, архимандрита Игнатия. Именно ему уже в мае 1857 года игумен Дамаскин пишет с благодарностью: «...Незабвенный наш Благодетель! По последней почте получен у нас указ Санкт-Петербургской Духовной Консистории о перемещении отсюда иеродиакона Клиmenta. С душевною радостию видя в этом перемещении начало очищения Обители от ея врагов и зная, что мы этим обязаны Вам...» [12, с. 239]. Спустя месяц Валаамский игумен вновь благодарил своего покровителя за то, что «еще двух главнейших врагов святой обители более нет на Валааме!» [16, с. 180].**

Однако об окончательном освобождении монастыря от монашеских возмущений и завершении итогов следствия, возбужденного против игумена Дамаскина, можно говорить только к 1861 году, когда в письме от 15 июня настоятель Валаамского монастыря пишет епископу Игнатию (Брянчанинову): «*В тихой обители преподобных Сергия и Германа тихо; подначальных из духовного и светского звания, слава Богу, нет; братия поживают мирно*» [12, с. 262].

Таким образом, следствие, возбужденное против игумена Дамаскина, возникло по необъективным наветам подначальных, которые в обиде на существующую монастырскую власть писали доносы в духовную консисторию, добиваясь смещения настоятеля. Возмущение было поддержано некоторыми из братии Валаамского монастыря, раздраженной на своего игумена за его строгость и требовательность, но было урегулировано твердым руководством игумена Дамаскина, а главное – мудрыми и рассудительными действиями благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Игнатия (Брянчанинова). Подобные факты урегулирования монашеских конфликтов позволяют высоко оценить таланты этой личности как административного руководителя-благочинного и как мудрого духовника-наставника монашествующих, который был ранее известен обществу более как церковный писатель [17, с. 74-88].

Список литературы

1. Архив Финляндского Валаамского монастыря (АФВМ). Ea: 1.
2. АФВМ. Ea: 2.
3. АФВМ. Ea: 7.
4. АФВМ. Ea: 8.
5. АФВМ. Ea: 12.
6. АФВМ. Ea: 14.
7. АФВМ. Ea: 15.
8. АФВМ. Ea: 17.
9. АФВМ. Ea: 18.
10. АФВМ. Ea: 22.
11. Брянчанинов Игнатьй (епископ). Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем // Полное собрание творений святителя Игнатья Брянчанинова. М., 2002. Т. III. 601 с.
12. Валаамский избраниник: жизнеописание, поучения, письма игумена Дамаскина к разным лицам. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2007. 335 с.
13. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб.: Валаамский монастырь, 2011. 584 с.
14. Жизнеописания валаамских старцев: игумен Дамаскин. СПб., 1996. 8 с.
15. Коняев Н. М. Апостольский колокол: повествование о Валаамском монастыре, его древностях и святынях. СПб., 2003. 319 с.
16. Маханов Онуфрий (иеродиакон). Причал молитв уединенных. СПб., 2005. 738 с.
17. Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. 751 с.
18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1883. Оп. 53.
19. Щипин В. (протоиерей). История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший период. М., 2004. 838 с.
20. Шмелев И. С. Старый Валаам. М. – СПб., 1997. 203 с.

INVESTIGATION AGAINST VALAAM FATHER SUPERIOR DAMASCENE

Suslov Andrei Vladimirovich (hieromonch Agafangel)
Orthodox St. Tikhon Classical University
Agafangel01@ya.ru

The author describes difficult intra-monastery relations in Valaam in the middle of the XIXth century, considers a conflict situation, which occurred due to the investigation, instituted against Father Superior Damascene on some subordinates and monastery brethren's information against him, basing on archival documents traces the investigation process, the interrelations of the Father Superior with the exiles, brethren; and also considers the participation of St. Petersburg Eparchy archpriest archimandrite Ignatius (Bryanchaninov) in the monastery conflict resolution and the reconciliation of Valaam brethren.

Key words and phrases: Valaam monastery; Father Superior Damascene; disciplinary problems in monastery; subordinates; investigation against Father Superior; conflicts investigation.

УДК 343.953

Юридические науки

В статье рассматриваются психические механизмы преступного поведения, анализируются переходы психических состояний как последовательной мотивации преступления, выявляются коммуникативные связи между психикой и сознанием преступного типа. Особое внимание уделено разбору формирования асоциальной и антиправовой установок и сознательному процессу построения преступного умысла.

Ключевые слова и фразы: личность; преступный тип; деградация; психика; целезамещающее представление; комплекс; переживание; коммуникация; преступный умысел.

Счастливцев Александр Николаевич, д. филос. н., доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Второй Тамбовский филиал)
a.alter2010@yandex.ru

СУБЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ТИПА[©]

Введение

Переход ко сну означает разрыв установленных бодрствующим сосредоточением ассоциаций и установление непроизвольных связей. Живой носитель рассудка отдыхает в сменах медленного и быстрого, глубокого и поверхностного сна, то есть в переменах скорости ассоциаций. Именно такие перемены скорости ассоциаций требуются в процессе решения задачи. Поэтому полусон учит дисциплине поиска. Никто не знает алгоритма решения новой задачи, но новые задачи неизбежны. И только от самого человека зависит, принять эту единственную человеческую реальность, или бежать от нее — в иллюзии, галлюцинации. В зависимости от того, что индивид ставит перед собой в качестве цели — эвристическую работу над собой или бегство от реальности, — формируется творческий тип или создаются условия для преступного типа личности.

Предметом рассмотрения в данной статье являются психические механизмы преступного поведения. Наряду с методами, используемыми в юридической психологии, применяется методика анализа переходов частично осознанных психических состояний как последовательной прогрессирующей мотивации преступного поведения. Результатом исследования является обнаружение устойчивых коммуникативных связей между запущенной витальностью и сознанием преступного типа как психический механизм внешнеобивняющей установки. Первый раздел посвящен рассмотрению амбивалентной природы личности и процессы выбора направленности личности в зависимости от степени обработки психических реакций. Во втором разделе разбирается формирование асоциальной и антиправовой установки в процессе субличностной коммуникации. В третьем разделе изучается сознательный процесс построения преступного умысла в его связях с переходными психическими состояниями.

1. Личность как дилемма

Личность амбивалентна по своей системной сущности. Личность представляет собой либо объект, самостоятельно развивающийся в форме индивидуальной *градации* своих психических и сознательных субъектов, либо демонстрирует общую их *деградацию* вплоть до преступного типа. Без этого необходимого выбора как условия существования она не может управлять собой в качестве функциональной системы. Иначе говоря, личность не может стать функционером своей психики, не деградируя. Личность — это всегда *дилемма*. Либо я пробуждаюсь в момент открытия, либо продолжаю пребывать в полусне мыслительных привычек. Поэтому когда используют понятие «личность», всегда следует указать сознательную интенцию, определяющую